

М. Небогатов.

РОДНЫЕ ПРОСЁЛКИ

Михаил
Небогатов

РОДНЫЕ ПРОСЁЛКИ

Кемеровское
книжное издательство
1963

ОБ АВТОРЕ

Михаил Александрович Небогатов родился в 1921 году в семье служащего в городе Гурьевске Кемеровской области. До призыва в армию работал в Кемерове техником-инвентаризатором.

Во время войны М. Небогатов служил в пехотных частях. Демобилизовавшись по ранению, вернулся в Кемерово, работал военруком, культмассовиком, литсотрудником газеты «Кузбасс». Был также корреспондентом радио и редактором отдела художественной литературы в областном книжном издательстве.

Печататься начал с 1945 года, в основном, в газете «Кузбасс», альманахе «Огни Кузбасса», в журнале «Сибирские огни» и в коллективных сборниках. Его стихи публиковались и в центральных изданиях: в газете «Труд» и «Комсомольская правда», в журналах «Советский шахтер» и «Крестьянка».

В Кемерове вышло пять книг М. Небогатова: «Солнечные дни» (1952 г.), «На берегах Томи» (1953 г.), «Юным друзьям» (1957 г.), «Моим землякам» (1958 г.), «Лирика» (1961 г.).

Награжден орденом Красной Звезды. С 1962 г. — член Союза писателей.

КАРТИНКИ БУКВАРЯ

Я рос в семье, где добывали
Насущный хлеб своим горбом,
Где, помню, до свету вставали
При звезд мерцанье голубом,
И через времени завесу
Все вижу, вижу я вдали:
Отца недвижимого из лесу
Во двор на дровнях привезли...

Согнула мать беда-кручина,
Нужда вошла под хмурый кров.
И на меня, как на мужчину,
Лег труд отцовский — пилка дров.
О, как завидовал я Славке,
Дружку,—он в первый класс пошел!
Я из окна, присев на лавке,
Смотрел печально — бос и гол.
Под вечер он в дыму метели
Скрипел пимами во дворе.
И допоздна мы с ним смотрели
Картинки в новом букваре.
А то до полночи свинцовой
Мать, подавляя боль и грусть,
Стихи Некрасова, Кольцова
Мне говорила наизусть.
Стучался ветер в дверь, в ворота,
Но в мир поэзии влюблен,
Я в этом сказочное что-то
Ловил, угадывал сквозь сон.
И ожидать мне было любо —
Со мной стихами говоря,
Не шапки снились и не шубы,
А те картинки букваря...

* * *

Здравствуй, день голубой,
Здравствуй, добрый знакомый,
С полем, рощей, рекой,
С тихой дремой-истомой,
С бескорыстной твоей
Неизменчивой лаской,
Со снопами лучей,
С вечной явью и сказкой!
Мы давно горячо
Полюбили друг друга.
Бронзовеет плечо —
Словно только я с юга.
Городской человек,
Но сельчанин душою,
Я сроднился навек
С полевой тропею,

Что зовет — посмотри! —
Беспредельною далью,
И улыбкой зари,
И закатной печалью...

РАССВЕТ В ГОРАХ

Над синевой кривых хребтов
Светлеет небо постепенно.
Внизу, в тумане, среди кустов
Река шумит самозабвенно.
А в небе чистом, вдалеке,
Звезда блуждает без призора —
Как слово лишнее в строке,
Она должна исчезнуть скоро...
И, погруженные в покой,
Недвижны сосны-великаны,
И затихает шум речной,
И резче проступают скалы.
Рассвет надменно молчалив.
И, как впервые, ждет природа,
Уже дыханье затаив,
Большой симфонии восхода!

* * *

Сойдя на полустанке,
Усталый пассажир
Шагает по полянке
В полузабытый мир.
Сосна сторожевая
Зовет его в тайгу.
И сказка оживает
Здесь на любом шагу.
Во взгляде и в походке
Торжественности нет,
Остались где-то сводки,
Доклады, кабинет.
Прокуренный весь за год,
Вдруг понял человек,
Что запах смол и ягод
Вкуснее, чем «Казбек».
Помахивает шляпой

И — что за разговор! —
Пусть ель зеленой лапой
Хватает за вихор!
И диву даться можно,
Как бледная рука
С рубашки осторожно
Снимает мотылька.
Простой необычайно,
Беспечный, как дитя,
С попутчиком случайным
Смеется он, шутя.
Такой хороший, славный,
Так весел, добр и мил!..
А ведь совсем недавно
Он бюрократом был.

ИВАН-КУПАЛА

Кто такой Иван-Купала —
Ребятне не до того.
Искупать кого попало
В этот день важней всего!
Не дают дремать друг дружке.
— Хоп! — плеснул и наутек,
Сам весь мокрый, от макушки
До разутых, в цыпках, ног.
Над поселком туча млела.
Позабавься с нами! Ждем.
Постояла, не стерпела —
Тоже хлынула дождем!
...Суеверье отступало:
Стар обычай — молод век.
Видно, был Иван-Купала
Развеселый человек!..

* * * *

Не Берендей ли нам горой
Насыпал здесь окурки?
Белеют плотною корой
Березовые чурки.
Работой радостной полна
Душа.
Вгонять легко мне
Стальную тяжесть колуна
В желтеющие комли.
Удар — и чурка пополам!
К земле прижалась боком.
И, словно соты новых рам,
Медовым пахнут соком.
Растет поленница, растет...
Зимой не знать заботы —
Дыханьем лета в дом войдет
Тепло моей работы.

Так человек. Он тем велик,
Что в строгой неизбежности
Хранит в душе своей родник
И чистоты, и нежности.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

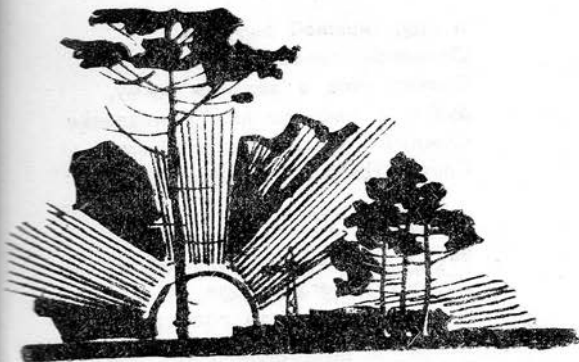
Громыкнуло гулким басом —
В духоту, в дурманной зной
Крупных капель переплясом
Дождь ворвался озорной.
Ахнул тополь запыленный —
Рад, что туча пролилась,
Зашумел прибором зеленый,
Каждым листиком смеясь.
По крылечкам, по оградкам,
Будто он на них сердит,
Лупит дождик, точно градом,
Легкой свежестью бодрит.
Вдруг за сизым полукружьем
Солнце взмыло. Жар и блеск.
Детвора по звонким лужам
Разбросала синий плеск!

ПЕРЕД СЕНОКОСОМ

Зной. Покой. Полдненный душный час.
Чей-то голос кличет: — Милка, Милка!
А вдали,
Пыля на весь Барзас,
Тарахтит с горы сенокосилка.

Ветерок не пыль ко мне принес —
Шорох трав с дыханием медвяным.
Скоро благодатный сенокос!
Разбегутся копны по полянам.

Будут пахнуть травами лучи
И рубахи, темные от пота,
Будут хрумкать лошади в ночи...
Праздничная русская работа!

НА РАЗЪЕЗДЕ

На разъезде вблизи от поселка,
Что сроднился с шахтерской
судьбой,
Паровоза кудрявая челка
Две минуты висит над трубой.
Здесь, запомнив соседей немногих,
Оставляю ненужный вагон...
Разминая затекшие ноги,

Я иду, тишиной окружен.
Одинокое серое зданье
Прячет окна в зеленом дыму,
Будто с первого дня мирозданья
Суждено здесь томиться ему.
Словно старца, с участливой
грустью

Обступили его тополя...
Вьется тропка к дорожному устью,
Убегает дорога в поля.
И пока я шагал до поселка,
Только слышал пичуг перезвон,
Только видел небесного шелка
Синий купол — крутой небосклон.
А потом еще из лесу справа
Прокричал и замолк паровоз,
И размеренный грохот состава
Влился в ласковый лепет берез...
Да, мы в жизни печемся о многом,
Но находим же радость и в том,
Что бегут поезда по дорогам,
Что журчит ручеек под мостом...

ДОМ В РОЩЕ

В белой роще, в глубине —
Дом желтеет новый.
Неба краешек в окне
Темно-бирюзовый.
Струйка дыма над трубой.
На ограде — крынка.
Тишина. Уют лесной.
Меж стволов тропинка.
Чей же этот мирный дом,
Крепко в землю вросший?
Поселился, видно, в нем
Человек хороший.
Так и ждешь, что на крыльцо
Выйдет вдруг молодка.
Повернет к тебе лицо,
Улыбнется кротко.
— Заходите, — позовет, —

Отдохните малость...
И как будто унесет
Всю твою усталость.
А быть может, встретят нас
Взглядом исподлобным?
Станет светлый дом тотчас
Отчужденным, злобным...
Коль недобрая душа
Здесь живет — досадно:
Больно роща хороша,
Празднична, нарядна.

* * *

Под горизонт расстелен луг!
Над лугом — марева дрожанье,
И дальний блеск речных излук,
И деловитых пчел жужжанье,
И день с его голубизной,
Слепящей радужностью красок,
И птицами звенящий зной,
И клен, сомлевший, как подпасок,
Полно значенья все вокруг...
И, как разгадка этой тайны,
Выходит девушка на луг —
Простая девушка с цветами.
Но в легком ситчике своем,
Как украшение букета,
В воображение мое
Она вошла богиней лета.
Умолкли птицы.

В тишине,
Звеня, струился воздух зыбкий.
...Как часто не хватает мне
Глаз васильковых и улыбки!

* * *

Ясна, чиста заката алость.
Днем было солнечно, тепло,
И серебром переливалось
Речное синее стекло.
Не зная радостней находок,
Чем ерш и окунь золотой,
Здесь рыболовы с легких лодок
Глядели в воду день-деньской.
Песок горячий дети мяли,
Купались, бросив все дела,
И волны тщетно отмывали
Их загорелые тела...
И смех, и крики отзвучали.
Прохладен воздух. Тишина.
Уснули лодки на причале.
Встает огромная луна.
И на ее багровом фоне,

Что излучает тихий свет,
Отчетлив, строг, как на ладони,
Избушки дальней силуэт.
Под этим зыбким лунным блеском
Застыли волны на реке,
Лишь отвечают слабым плеском
Девичьей песне вдалеке.

* * *

Один сказал:

— Опять у нас осадки!

— Ах, что за ливень!— ликовал другой.

Один увидел лужу, воду в кадке,

Другой представил море и прибой.

-- Вот грязь будет!— первый

чертыхался

Второй мечтал:

— Теперь садам расцвести!—

И под дождем стоял и улыбался...

Не в этом ли поэзия и есть?..

НЕНАСТЬЕ

Подходит лето к середине,
А нет ни в чем его примет.
Дождит. Машины вязнут в глине.
Ни день.

Ни вечер.

Ни рассвет.

Полей зеленые полотна
Все безотрадней, все тусклей,
И небо, затканное плотно,
Струит холодный жидкий клей.
Но я с природою не в ссоре.
Пусть в утешение свое
Она поплачет. Может, горе
С весны минувшей у нее.
...Бывает, не увидишь лета —
Сплошная осень на дворе.
Природа и тепла и света
Запас хранит к иной поре...

НА РЕКЕ

По переулочку кривому,
Не торопясь, иду к реке.
А зной — парной. Ни туч, ни грому,
Жарынь, как в бане на полке.
Озноб прохлады предвкушая,
Снимаю майку на ходу.
И вдруг заминка небольшая:
Не речка — бревна на виду.
Они подобны мертвым рыбам.
С баграми люди на плотках.
А за изгибом — бревна дыбом
Стоят, столпясь в иных местах.
В работе сплавщики едины:
Тот в запань делает проход,
Другой, багром ловя лесины,
Их на конвейер подает.
Из-за изгиба-поворота

Все лес плывет. Не счесть его...
И здесь нелегкая работа,
А лессрубам каково?
Не продохнешь сейчас, в июле,
В тайге, где солнце жарит пни,
Где рукава к рукам прильнули,
В лицо впиваются слепни...
Хоть образ, может быть, не точен,
Но мне подумалось: «А ты
Всегда ли мог заторы строчек
Вязать в послушные плоты?»

* * *

Лежу в траве на берегу пологом.
Шуршит жучок у самого виска.
О чем мечты? Не знаю я. О многом,
Что в слове «жизнь» нам светится века.
На фоне неба, в знойной дымке томной,
Как в глубину задумчивой реки,
Ель вековая щукою огромной
В синь погружает ветви-плавники.

* * *

Синий полдень. Как в зеркале, в нем
Вижу тропки далекого детства.
...В переулке бревенчатый дом
И лесок на горе по соседству.
Много ль надо для счастья мальцу?
Лишь бы утро погожее было.
Взял краюху, сбежал по крыльцу
И — как вихрем, его закружило.
Первым делом — в леске побывать
С неумной ребячьей гурьбою —
Вот где в «красных» и в «белых» играть,
Укрываться в траве с головою!
Сколько в роще любого добра!
Надо удилиц? Выбор великий.
Не поленишься — больше ведра
Наберешь земляники, клубники.
Ну, ведро не ведро, а кувшин

Будет доверху. Это уж точно...
Средь берез, лозняка и крушин
Медом плавится запах цветочный.
Не пора ли купаться? Жара.
Будто к печке прижался спиною.
Миг — и к речке бежит детвора,
С ходу — в воду, спасаясь от зноя!
Вот, лопаточкой сделал ладонь,
Черномазый задира какой-то
Открывает по другу «огонь» —
Бьет струю похлеще брандспойта.
Ну, а кто же всех дальше нырнет?
Кто мастак на такие ухватки?
Приготовились дружно — и вот
Над волнами лишь белые пятки!
Накупались до дрожи в губах,
А еще далеко до заката.
На лугу, что ромашкой пропах,
За мячом припустились ребята.
Миновали бревенчатый дом
И лесок на горе по соседству.
...Синий полдень. Как в зеркале, в нем
Вижу тропки далекого детства.

РОДНЫЕ ПРОСЕЛКИ

Привык я к блеску площадей,
К асфальту этому, к трамваю,
И все же в сутолоке дней
Иных дорог не забываю.
Большая радость — пронести
Сквозь все заботы и тревоги
Любовь к отцовскому пути —
К простой проселочной дороге.
Один ее знакомый вид
С тысячелетним прахом-пылью
Так много сердцу говорит,
Такою русской веет былью...
Она ползет среди полей
То в черноземе, то в суглинке.
Темнеют трещинки на ней,
Как на родном лице морщинки.
Не знали деды и отцы

Про мостовые и панели...
Зимой звенели бубенцы,
А кандалы весь год звенели...
В глухое время, в дни невзгод
С мечтой о светлых куцах рая
Гудел печально крестный ход,
Хмельному попику внимая.
Ступали лапти в эту пыль
И кривобокие обувки.
Стучал здесь посох и костыль,
И плач звучал и прибаутки.
Как шрам глубокий — колея...
Тут, по репейнику густому,
Тень партизанского ружья
Скользнула в знойную истому.
Здесь был проселкам поворот,
И мы просторы увидали.
Отсюда ввысь
И вдаль, вперед
Пошли все наши магистрали!

В ЛЕСУ

Здесь лета краткого утрата
В начале августа видна.
Как будто пламенем заката
Листва осин обожжена.
И белоствольные березки
Раздумья тихого полны,
Что их зеленые прически
В заметных прядках желтизны.
Все чаще небо, скрыв завесой
Свою густую бирюзу,
Над пригорюнившимся лесом
Нет-нет да выронит слезу.

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Усталость — не помеха.
И ужин позабыт.
С крылечка россыпь смеха
Заманчиво звенит.
Уж ночь. До сна ли юным,
Когда, как днем, светло!
Тропинка в блеске лунном
Уводит за село.

Там спят стога. Их тени —
Черней самих стогов...
Средь ночи в отдаленье
Отчетлив звук шагов.
Хрустит под сапогами
Промерзлая листва.
А щеки — словно пламя,
И кругом голова.
На белой стежке росной,
Темнея, след пролег.
Желтеет папиросный
Уютный огонек.
Идут, как вешним садом,
Храня мечту одну.
И смотрят долгим взглядом.
На близкую луну...

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

Шел человек полями и лесами.
Смотрел на мир влюбленными глазами,
Искал слова, чтоб людям рассказать,
Как хороша земля его родная
И в зимний день, и в день цветущий мая,
Как в этом мире радостно дышать.

Слова теснились пестрою гурьбою —
С листвою, с цветами, с речкой голубою,
С машинным гулом, с запахом хлебов.
Но все, что в сердце искрилось и пелось,
Не так звучало, как того хотелось,
И легких крыльев не было у слов...

А где-то в поле, памятном от века,
Счастливый взор другого человека
Вливался жадно в ту же красоту.

Его любовь мелодию рождала,
Да только слов ей нужных не хватало,
Чтоб полететь, окрепнуть на лету.

И, уловив минуту дорогую,
Одна душа услышала другую —
Как глубока их родственная связь!
Словам дано привольное звучанье,
А смутным звукам — точное названье
Поют.

Ты слышишь?

Песня — родилась!

* * *

Полями ли шагаю,
На лес ли засмотрюсь,
Во всем я замечаю
Задумчивость и грусть.

Томит молчанье стога,
Но нет, не скажет он,
Что думает дорога,
О чем вздыхает клен.

Вдали закат пылает.
И он не скажет мне,
Чья радость догорает
В его сухом огне...

* * *

Короче день,
Длиннее тень
От клена в палисаде.
Доволен лист,
Что золотист,
А все — как грусть во взгляде.

И человек,
Прожив свой век,
Гордится сединою.
Но, глядя вдаль,
Таит печаль
О днях, что звал весною...

* * *

Весною солнце, мчась вперед,
Таким горячим было!
Сугробы жгло, ломало лед
Своею буйной силой.
Сейчас не то... Успев остыть
В небесной дали синей,
Не в силах даже растопить
Упавший ночью иней.
Уж скуп его лучей поток
В нахмуренном просторе,
И равнодушья холодок
В ленивом, тусклом взоре.
И нет любви недавней в нем
К лесам, полям и рекам.
Да, солнце стало стариком...
Вот так и с человеком.
Не хочет стариться душа.

Да мало ль что не хочет —
Не дремлет Время, вдали спеша,
Незримо силы точит.
И пусть еще немало дел,
Прошла пора для взлета,
А ты к чему-то охладел,
Не так уж любишь что-то...

КОЛОСОК

В глубоком кювете,
Что лег через лог,
Как память о лете,
Лежит колосок.

Он хрупок и тонок,
Промок от дождей —
Забывший ребенок
Осенних полей.

Судьба одиночек —
Вздыхай да тужи.
Грустит колосочек
О золоте ржи,
О теплой сушилке,
О братьях своих...
Один на развилке
Дорог полевых.

* * *

У глянцево накатанной дороги,
Веселая и грустная на вид,
Березовая рощица в тревоге,
Дрожа листвою, шепчется, шуршит.
Не верится, что это увяданье.
Нет смерти для лучистой красоты!
На праздничное, светлое свиданье
Сошлись в кружок шумящие кусты.

* * *

Льется с неба последняя ласка,
Доцветают на клумбах цветы.
Полиняла небесная краска.
Холодком облака налиты.

Как бы там ни ругали поэтов
За минутную грусть и печаль —
Жаль нам ранних июньских рассветов,
Словно юности собственной жаль.

Лето теплое. Где же ты? Где ж ты?
Снова осень вступила в права.
Точно чьи-то мечты и надежды,
С тополей облетает листва...

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

В те дни, как август на исходе,
А осень где-то за холмом,
Вдруг совершается в природе
Нежданно-резкий перелом.
В уютный мир, еще цветущий,
Где по утрам тепла заря,
Влетает ветер вездесущий —
Лихой разведчик сентября.
Доволен осени посланец,
Что перемен немало внес:
Скрыт в облаках зари румянец,
Роняет небо капли слез;
Уже и в полдень так прохладно,
Что без плаща не выходи,
Клен непривычно неприглядный —
В лохмотьях желтых на груди.
А ветер скачет обозленно

И скрыть не может торжества,
Когда им сорванная с клена
Слетает мертвая листва.
А ночью, спрятавшись в ложбине,
Невинно-чистый, как снежок,
Нагрязнул заморозок-иней
И землю воровски обжег.
Осинка — та почти разделась,
Ее сломил ребячий страх.
На диво ей упорство, смелость
В шумящих гордо тополях.
Горит в ней зависть не впервые:
Такую стойкость бы иметь!
Их кроны, пышные, густые,
Еще не скоро тронет медь.
И ветер зря насकोком грубым
Пугает тополь у реки:
Он только встряхивает чубом,
Сжимая листья в кулаки.
И дальше в поле ветер мчитсЯ,
Туда, где с ропотом глухим
Волной колышется пшеница,
Качая колосом сухим.
Тревога в сердце хлебороба:
Осенний месяц впереди.

Теперь гляди, дружище, в оба,
Не зарядили бы дожди.
...Ах, как люблю я дни уборки,
Загар на лицах и руках,
Поникший колос, и не горки,
А горы хлеба на токах!
Люблю я видеть в дождь и ведро
Задор душевный и подъем,
Когда прикрикнет кто-то бодро:
— А ну-ка, бабоньки, нажмем!
В обед присядут на полянку.
И бригадир — плечист, пригож, —
Прижав к груди своей буханку,
Вонзит в нее щербатый нож.
А как вкусна и запашиста
На свежем воздухе еда!
Все под метелку, чтобы чисто...
Тогда одобряют: — Это да!
Коль вместе сел, так ешь отважно:
Слышал приметку наших мест?
Тот и работает неважно,
Кто за столом лениво ест.
Я той приметой в сердце ранен.
Насчет работы — буду нем.
Но я ведь тоже горожанин,

Судите сами, как я ем.
А впрочем, это ради шутки...
Крадется вечер по холмам.
Давай докурим самокрутки
И — на попутных по домам.
Не знаю в мире лучших грузов,
Гляжу — душа озарена:
В машине нашей — полный кузов
Живого, теплого зерна.
Возьмешь его, и на ладони
Крупинки золота горят.
О нем не только здесь, в районе —
По всей Отчизне говорят.
По сторонам пути-дороги,
(Картина с детства дорога),
Бегут березки-недотроги,
Плывут пузатые стога.
Шагают, ноги в травах пряча,
Стального провода рабы —
Высоковольтной передачи
Тяжеловесные столбы.
Мы нашу радость не скрываем:
Хлеб в закрома пошел, пошел!
Румяным, пышным караваем
Он ляжет Родине на стол.

Мы, не надеясь на кого-то,
Еще не так зажечь должны.
Одна у каждого забота:
Лишь только не было б войны...
Вдали — высокий элеватор.
Среди построек и оград
Стоит он, будто бы оратор,
Который высказаться рад.
Ну, вот мы, друг, и дома, вроде.
С колхозных нив несем привет...
В те дни, как август на исходе,
Наш город сумраком одет.
Над ним тяжелых туч кочевья,
А на проспектах у витрин
Дождь моросит, шумят деревья
И слышен влажный шорох шин.
И хоть еще на клумбах в скверах
Сверкает радуга цветов,
А в сердце сумрачно от серых,
Накрывших небо облаков.
Когда тебе уже за сорок,
Когда уж к старости идешь,
Тебя гнетет ненастный морок,
Ты солнце любишь, солнца ждешь.
...Но что случилось? Ветер, сгинув,

Не теребит на лужах рябь.
То, на затылок тучи сдвинув,
Пришел задумчивый сентябрь.
Он утром стынет в дымке синей, —
Смотри, всю даль заволокло, —
А в полдень ясность, четкость линий,
Покой, безветрие, тепло.
И не беда, что солнце малость
Уже растратило свой пыл,
В нем, несмотря на грусть, усталость,
Еще осталось много сил.
Простерлось небо синей птицей,
Белеют перья облаков,
И око солнца вниз глядится
На ширь полей, дорог, лесов.
Его лучи, что светят косо,
Все ловят с жадностью вокруг:
И волны дремлющего плёса,
И побуревший росный луг.
Пусть в небе жаворонка нету,
Зато в траве со всех сторон
Самозабвенным гимном лету
Звучит кузнечиков трезвон.
Вот мотылек летит куда-то,
Совсем не думая о том,

Что скоро, скоро в час заката
Он сложит крылья под кустом.
Таща былинку за собою,
Мураш заботливый бежит.
Уж так ведется — все живое
Минутой каждой дорожит.
Короткий век твой или длинный,
Пусть будет светлой жизнь твоя!
Ведь даже в горечи полынной
Таится сладость бытия...
А дни летят, как птичья стая,
И, крася ржавчиной бугры,
Приносит осень золотая,
Свои бездымные костры.
Вот вспыхнул куст над крутояром,
И пламя, что на нем зажглось,
Как при лесном пожаре яром,
На ближний лес перенеслось.
Порхают листья. И похоже,
Что искры жаркие летят.
Стоят деревья в тихой дрожи,
О чем-то шепчет листопад.
О том, быть может, что не стоит
Быть недовольными судьбой:
Придет весна и вновь построит

Зеленый терем, мир лесной.
А мне под шепот листопада
На память давнее пришло.
...Вдали гремела канонада.
Горело русское село.
Катились мимо танки, пушки,
Чтоб справить наше торжество.
Мы ж хоронили на опушке
Солдата, друга своего.
Он самым первым из десятка
В село ворвался, знамя взвил.
Кровь запеклась под русой прядкой...
Как мало он на свете жил!
Молчал юнец, белей известки,
Окончив свой короткий путь.
И лист, сорвавшийся с березки,
Медалью лег ему на грудь.
А сколько их, таких медалей,
Сложил на холмик листопад,
Когда мы залп последний дали,
Сказав: «Прощай, наш друг и брат!»
...А время мчит. Оно крылато.
С чего же нынче, в мирный день,
Того убитого солдата
Передо мной мелькнула тень?

Покою лес осенний дышит,
Весь так и светится, горя,
Как будто золотом он вышит —
Любимым цветом сентября.
Приятна русскому картина
Природы, сердцу дорогой, —
Не заграждений паутина,
А паутинка над стернёй.
Хотим мы видеть над полями
Не взрывов темные кусты,
А золотых деревьев пламя
Необычайной красоты.
Над головою неба просинь.
Даль и пустынна, и светла.
Прощаясь с теплым летом, осень
Знамена жизни подняла.
С последним солнечным приветом,
Чей путь на запад, на закат,
Горит земля багряным цветом,
Шумит о жизни листопад...

* * *

Рисует мудрая природа
Этюд с названием «Зима».
Снежинки сыплет с небосвода
На путь трамвайный, на дома.
Ей это делать не впервые.
Есть вдохновенье и запал.
Да все чернеют мостовые,
Бело лишь только между шпал.
Природа хмурится невольно:
Этюд не очень-то живой.
А детвора уже довольна
Ее работой черновой.
Глядят ребята спозаранок
В окно: «Ну, как там, крепкий снег?».
Коньков стремительных и санок
Уже предчувствуют разбег.
Но то ль упорства не хватило

Засыпать землю и дома,
А может, кончились белила —
Грустна художница сама?
Она этюд забраковала
И, как простым карандашом,
Сердясь его заштриховала
Холодным сереньким дождем.
Снежок размыла, как известку, —
Чернеет пятнами вода...
Но верьте первому наброску,
Картина будет — хоть куда!

* * *

Первый снег загулял поземкою.
Надевай потеплей пальто!
Черновик испещренный комкаю
И бросаю: не так, не то!
На бумаге туман, распутица,
А в душе их в помине нет...
За окошком снежинки крутятся,
И кругом синева и свет.
Ничего не случилось, кажется,
Только сердце поет: пиши!
По-иному сегодня скажется
То, что просится из души.
Что же просится? Песни новые!
Потому я и счастлив, рад.
Силы свежие и здоровые
Так сегодня во мне кипят!..

По привычке ли, от усталости,
Повторяем из века в век,
Что зима, мол, подобна старости,
Что сединам подобен снег.
Нет!
Без пафоса и бодрячества
Заношу я в свою тетрадь:
У зимы золотое качество —
Все по-своему обновлять!

НОЧНОЙ ГОРОД

Замер город. Спит под небом звездным.
Ночью он, как дом, который пуст:
Звучен, гулок в воздухе морозном
Голос отдаленный, снежный хруст.

Над заводом рдеет полыханье.
В цехе стружки вьются под рукой...
Заводское жаркое дыханье
Слышит бор промерзлый за рекой.

Он в меха закутался, дивится,
Что луна и в стужу налегке.
Раскраснелась только, как девица
В серебристо-радужном венке.

* * *

Метет коварная метелица.
В сугробах белая земля.
К ногам поземка льстиво стелется,
Юлит, униженно скуля.

Ненужной кажется, безрадостной
Позёмки хитрой суета.
Мне люб мороз сорокоградусный —
В нем сила, смелость, прямота!

* * *

В снежных шубах ели, пихты.
Небосвод суров, угрюм.
Лес таежный, что притих ты,
От каких заветных дум?
С вьюгой злой единокорец,
Вспоминаешь, может быть,
Как любил охотник-шорец
Одинок здесь бродить?
Как далеко по урманам
Ухал выстрела обвал,
Как укладывал жаканом
Он медведя наповал?
Или слушаешь гуденья
Звонкой стали над собой,
Не скрывая сожаленья,
Что нарушен твой покой?
Тучи скучились отарой,

И глуха сугробов тишь.
Ну, скажи, о чем ты, старый,
Так загадочно молчишь?
Шум машин плывет по логу
Под холодной мглой небес.
С тайной думой на дорогу
Загляделся зимний лес.

Мчатся двое по полю на лыжах,
Стройный парень, девушка за ним.
Загляделось солнце в космах рыжих
На простор, открытый молодым.
Белизна снегов сверкает гляncем.
Поле, поле,

Где его конец?..

День наполнен смехом и румянцем,

Жарким счастьем радостных сердец.
Скрип.

Мороз.

Стремительность разбега...

Вон березка, девушке под стать.

Ей бы тоже выбраться из снега,

Отряхнуться, следом побежать!

Взгляд влюбленный,

голос,

ветер встречный,

Снежность,

нежность,

солнца тихий свет.

Только это кажется им вечным,

Ничего иного в мире нет...

* * *

Мороз подбадривает хлестко.

Над головою гулкий гром.

Дугою — белая полоска

На небосклоне голубом.

Вот, сбросив дымки покрывало,

Заря весь мир взяла в полон.

Смотри, полоска алой стала

И розоватым небосклон.

И пусть не радугою яркой, —

А только памятью о ней, —

Соединила в небе арка

И город мой, и даль полей.

* * *

От мороза сторожка ёжится,
Лес белеет, к себе маня.
Как вам нынче живется-можется?
Не скучаете без меня?

Одиноко вам тут, за городом.
В поле снежная тишина.
Лес пронизан зарей и холодом,
И сторожка едва видна.

Все кусты и пеньки под шапками,
Под богатыми — из мехов!
Снег пушистый узоря лапками,
Зайка прыгает меж кустов.

Гаснет зорьки полоска узкая.
И косою задремал у пня...
Все такое родное, русское,
Без чего не прожить и дня!

ЛУНА

По домам, деревьям, в снег одетым,
Разливает сумрак синеву.
Лунный свет с фонарным спорит светом.
Зимний вечер — сказка наяву.
Воздух в блестках, с запахом весенним.
У домов с узорами ветвей —
От луны расплывчатые тени
И чуть-чуть темней от фонарей.
Вижу счастье парочки влюбленной,
Слышу голос девушки. Она
Смотрит вверх как будто изумленно.
— Ах, какая славная луна!
И с чего — не знаю, только снова
Вспомнил ночь далекую одну...
В темноте нахмурившись сурово,
Проклинали злобно мы луну.
Вот сейчас в немецкой обороне

Нас заметят. И — плохи дела.
Под луной мы все — как на ладони.
Рассиялась глупо. Предала!..
Много мирных солнечных рассветов
С той поры вставало над землей.
Верный друг влюбленных и поэтов,
Лунный диск, свети во тьме ночной!
Пусть никто тебя не проклинает,
Пусть всегда, в любые времена
Чей-то голос тихо восклицает:
— Ах, какая славная луна!

СУВЕНИРЫ

На Эльбе это было в сорок пятом.
Счастливые, забыв о боли ран,
Увидели друг друга два солдата,
Два парня из союзнических стран.
Коптил фашизм, отброшенный на свалку,
Стояли двое в пламени, в дыму...
Джон подарил Ивану зажигалку,
А тот — с пилотки звездочку ему.
Победою венчая путь солдатский,
Как будто не Иван и Джон сошлись —
Россия и Америка по-братски
Во имя мира крепко обнялись.
...Прошли года. И в дни труда и мира
От встречи исторической вдали
Два скромных, два солдатских сувенира
Сегодня смысл особый обрели.
Был каждый унесен своей дорогой,

Куда владельцев мирный путь увлек.
Но отчего-то давнею тревогой
Вдруг вспыхивает синий огонек.
И зажигалку ту зажав в ладони,
В душе тревогу не гася свою,
Иван все чаще думает о Джоне:
«А бережет он звездочку мою?..»

ПОСЛЕДНИЕ МОРОЗЫ

Зима — скажи на милость,
Как по натуре зла! —
Внезапно спохватилась,
Что слишком уж тепла.
Зажгла костры мороза,
Рассыпала куржак.
И голос паровоза —
Как будто в двух шагах.
Лучам и далям вешним
Туман отрезал путь.
Всем жителям неждешним
Нельзя передохнуть.
Но что нам недотроги!
Глядите — из ворот,
В калоши сунув ноги,
Вон женщина идет.
Со звяканьем веселым

Качает два ведра.
По крепким икрам голым —
Ворсинки серебра.
Вы скажете: чудачка.
Простыть? Сошла с ума?
Не бойтесь — сибирячка!
Как раз по ней зима!
Про солнце, зелень, лето
Напомнила вдруг вам...
Трещит мороз.

Но это
Зима трещит по швам!

ПОСЛЕ МЕТЕЛИ

Ушла метель, вильнув хвостом лохматым,
Ее следы — наносы у дорог.
И вдруг весенним тонким ароматом
Повеял с юга теплый ветерок.

Крутила ночь поземки веретенца,
А утро дарит блеск и кружева.
И синева над городом, и солнце,
И снег вокруг. Зима еще жива.

Еще в подъездах холод по ступеням,
И у крыльца деревья клонит в сон,
Но, ободренный веяньем весенним,
Смеется город, снегом занесен!

* * *

В полдень, синяя
Тенью резной,
Снег все сильнее
Пахнет весной.

После метели —
Блеск слюдяной.
Брызги капли
Пахнут весной.

Птицей незримой —
Смех озорной.
Щеки любимой
Пахнут весной.

Веют закаты
Ширью земной.
Мысли крылаты.
Пахнет весной!

* * *

Февраль решил напомнить о зиме:
Ударил стужей лютой на прощанье.
Туманна даль. Деревья в бахrome.
Белесый пар клубится от дыханья.

Но быстро старец выбился из сил.
Лишь только солнце в небе заблестало —
Туман пополз, пощады запросил,
Растаял мигом — как и не бывало!

И на стекле морозные цветы
Увяли в миг от солнечного взгляда.
Сама Весна глядится с высоты!
И не страшна ей зимняя засада.

* * *

Еще ослепительно ярки
Снега на просторах полей.
Еще на рассвете доярки
Одеться спешат потеплей.

И все же прошли твои сроки,
Зима. Не страшна ты ничуть.
Ты только румянишь им щеки,
Не в силах уже ущипнуть.

* * *

Иду, гляжу с улыбкой,
Как резвый ручеек
Серебряною рыбкой
Метнулся из-под ног.

Довольно вам, метели,
Стучать своей клюкой.
Повыли, повсвистели —

АПРЕЛЬ

Еще ледок хрустит утрами —
Его съедает, гложет злость,
А у меня в оконной раме
Сияет солнце — ранний гость.

Еще в деревьях стынут соки,
Среди садов — голым-голо,
А возле дома на припеке
Почти по-летнему тепло.

Над ручейками — снега глыба.
Уже недолго ей висеть:
Зима холодная, как рыба,
Попалась в солнечную сеть!

* * *

Все замечают звон капли,
Зато никто не кинет взгляд
На деревца, что вдоль панели,
Как вешки, голые стоят.
И в самом деле, грустный, жалкий
Весною ранней облик их:
Торчат стволов прямые палки
И прутья веточек кривых.
И мне пока поверить трудно,
Что в этих прутьях жизни сок —
Он брызнет силой изумрудной
Листвы, бунтующей в свой срок...

Вот так и с девушкой иною,
Что, незаметная вчера,
Вдруг расцветает красотой —
Пришла пора!

В РАЗЛИВ

Парк весенний затоплен ручьями:
Здесь не скоро оттает земля...
Оголенные ветви штыками
Ощетинили тополя.

Тускло светятся волны-накаты
Темной ночью при робкой звезде...
Так и кажется: это солдаты
Наступают по пояс в воде.

* * *

Все жарче солнце. Снег сошел недавно.
Был первый дождь. И капли на весу
Дрожат на темных ветках. Сочно, славно
Запахло вербой в солнечном лесу.
Еще гола березка. Ей завидно —
На вербе пух, как праздничная шаль.
Прозрачен лес. Сквозь каждый кустик видно
Всю синевую пронизанную даль.
Давно ли небо было мутно-мглистым,
А вот теперь ни облачка на нем.
И оглашают птицы бойким свистом
Веселый лес, дремавший даже днем.
Приди сюда. Душою, а не слухом
Внимай весне, что рядом и вдали.
Наполни грудь медвяным вербным духом
И свежим, талым запахом земли..

Сверкают лужи — след былых проталин.
Хрустальна капель трепетная дрожь.
И если был ты чем-то опечален,
Со светлым чувством из лесу уйдешь.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Недолго дождик, с ветром ссорясь,
Метался, прыгал у окна.
Устал.

Притих.

Одна лишь морось
На темных лужицах видна.

Гляди, и той уже не стало,
Все лужи — словно зеркала.
А вот и солнце засияло!
Шутя весна свое взяла.

Смахнула тучу с небосклона,
Как опостылевшую шаль,
И в легком платье зеленом
Идет в сияющую даль...

ПЕЙЗАЖ

День полусонный и хмурый,
Хоть на дворе и весна.
Вова рисует с натуры
То, что видать из окна.
Вывел черту котлована,
Рядом нарисовал
Башню подъемного крана
И с кирпичом самосвал.
Сбоку избушка кривая
Вся утонула в грязи.
Серые дни доживая, —
Дом высоченный вблизи.
Долго шуршала резинка
И штриховал карандаш...
Вот и готова картинка!
Очень хороший пейзаж.
Против одной лишь детали

Вова, трудясь, погрешил:
Чтобы весну увидали,
Солнце приделать решил.
В небе кружок и в оконце —
Красных лучей торжество.
Пусть улыбается солнце!
Людям нельзя без него

* * *

Вбежал сынишка с улицы —
Уж так он рад весне!
Букетик одуванчиков
Протягивает мне:
— Смотри, какие выросли!
Таких не видел ты!..
Как маленькие солнышки,
Горят в руке цветы.
А я, сказать по совести,
Совсем другому рад:
Светлее одуванчиков
Глаза его горят!
Недаром восхищается
Он заодно со мной:
Впервые причащается
Он красоте земной.

ГЛАЗА

Я люблю глаза людей с улыбкой,
С огоньками звездочек живых,
И когда ресницы тенью зыбкой
Затемнят задумчивость их.
Вижу в них то вызов, то участие,
То ответ желанный, то вопрос.
Хороши они не только в счастье —
Даже в грусти, даже в блеске слез.
Все они на свете повидали —
Луг в цветах, ночей военных жуть,
А теперь в космические дали
Удалось им, дерзким, заглянуть.
В них, открытых, зори полыхают
И небес сияет бирюза...

Пусть глаза хоть гневом обжигают —
Не люблю холодные глаза!

ШАХТЕР И СОЛНЦЕ

В спецовке, в каске неизменной,
Держа отбойный молоток,
Он задержался перед сменой,
Он загляделся на восток.
Там небо пламенем зарделось —
И в этот миг наверняка
Само светило загляделось
На молодого горняка.
И как ответный проблеск звездный—
Победный взгляд в прищуре век.
Казался вылитым из бронзы
Величественный человек!
Весь золотым сияньем облит,
Как будто не в забой — в полет!..
И вот таким шахтерский облик
Передо мною предстает:

Задумчивым и чуть суровым,
И хоть не памятник, — живой,
Ему лучи — венком лавровым,
А пьедесталом — шар земной!

* * *

Сибирская природа прихотлива,
Бывает и весной не как весной.
Не слышно птиц. Деревья сиротливо
Застыли в неподвижности немой.
И облака, и снег — все скучно, серо,
По лужам хлещут зябкие ветра.
И на какой-то миг слабеет вера
В то, что весна на радости щедра.
Но как природа ни глядит сурово,
А все-таки весна берет свое:
Минует день, и мы согреты снова
Сиянием и ласкою ее.

Так женщина, не злая по натуре,
Но иногда суровая на вид,
Совсем недолго смотрит, брови хмуря,
Настанет миг — улыбку подарит.

ЗЕЛЕНЫЙ ПОЖАР

Под раскаленным солнцем-шаром,
Смотрите, клены, тополя
Зеленым вспыхнули пожаром!
В зеленом пламени земля!
Проспект веселый, многолюдный
С прямыми стрелами аллея,
От этой дымки изумрудной
Еще нам кажется милей.
И, видя вновь расцвет природы,
Полны мы радости большой.
Мы забываем наши годы,
Мы снова юные душой...
Близка желанная минута —
Ударит молния в глаза,
И с громом первого салюта
Промчится майская гроза.

Она покой земли нарушит,
Но, проливая свежесть вод,
Пожар зеленый не потушит,
А лишь сильнее разожжет!

О САДАХ

Когда какой-то мой собрат
Вдруг начинает заноситься,
Когда лишь свой он видит сад,
Что робко, реденько кустится,
Из-за своих кустов, чудак,
Он сад, цветущий по соседству,
Не хочет рассмотреть никак, —
Одно лишь остается средство:
Задуматься, хотя б на миг,
С почтением к могучим всходам,
Понять: он — только ученик
Пред настоящим садоводом.

ПОДВИГ

Для подвига нужно
И мало, и много:
Заветная цель,
И прямая дорога,
И вера твоя
В торжество правоты,
И долг, словно мера
Любой высоты.
...А чтоб тяжелее
Дорога не стала —
Не думай, что трудно,
Что сердце устало,
Пружиной сожми
Свою волю и страсть —
Взлетишь, где другие
Могли бы упасть!

СТРОИТЕЛЬ

Люблю строительные хлопоты.
И в дождь, и в зной, и в холод злой
Подъемный кран, как будто хоботом,
Поводит длинною стрелой.

Рука рабочего повесила
На крюк стальных панелей кладь —
И кран, как слон, легко и весело
Спешит наверх ее подать.

А там, в проеме неба синего,
Монтажник сам, как в раме, встал.
Картина, чуть попробуй сдвинь его, —
И схематична, и пуста.

И я, встречая утро раннее,
Его завидую судьбе:
Ведь, создавая это здание,
Он строит памятник себе.

ГРАММАТИКА НОВОГО

Мой край! Промчалось время троек,
Ты вдаль на спутниках летишь!
...Люблю я книгу новостроек
В штрихах лесов, в обложках крыш.
В ней опечатками — бараки,
А стрелы кранов — там и тут,
Как восклицательные знаки,
Что прославляют гордый труд.
Люблю с утра листать воочью
Страницы улиц, площадей
И видеть ночью
Многоточье
Многозначительных огней.
Позднее, в праздники большие,
Над этим городом в лесах
Я фейерверка запятые
Увижу в синих небесах...

Творцы той книги — все поэты.
Их путь к высотам строг и крут...
Сумеет ли стать в книге этой
Хоть малой буквою мой труд?..

МЫ СЛАВИМ ЗЕМЛЮ

Стихом,
балладой,
звонкой песней
Мы славим землю в наши дни,
А внуков ждет еще чудесней
Жизнь, сказке нынешней сродни!
И, может, суждено поэту
Стать покорителем высот,
Когда его стрела-ракета
К другим планетам унесет.
Он вдохновенья зов услышит.
И, как о торжестве земном,
Он о звезде стихи напишет —
О мире близком и родном!

* * *

Есть всему свое предназначенье:
Песня — птице, молот — кузнецу,
Дням весны — беспечное цветенье,
И румянец — юному лицу.
Ну, а мне? Что мне дала природа,
Где мою тропинку провела?
Вдруг да я — на шее у народа,
Словно муха на рогах вола?..
Пусть не стану я большим поэтом,
Пусть со мной стихи мои умрут,
Но пока люблюсь белым светом,
Я не брошу свой заветный труд.
И пока я вижу небо это,
Эту землю, солнце, облака,
Не умрет во мне душа поэта,
Будет славить жизнь моя строка!

СОДЕРЖАНИЕ

Картинки букваря	5
«Здравствуй, день голубой...»	7
Рассвет в горах	9
«Сойдя на полустанке...»	10
Иван-Купала	12
«Не Берендей ли нам горой...»	13
«Золотой лучистый колос...»	14
Родник	15
Летний дождь	17
Перед сенокосом	18
На раз'езде	19
Дом в роще	21
«Под горизонт расстелен луг!...»	23
«Ясна, чиста заката алость...»	25
«Один сказал...»	27
Ненастье	28
На реке	29
«Лежу в траве на берегу пологом...» 31	
«Синий полдень. Как в зеркале в нем...»	32
Родные проселки	34
В лесу	36
Лунной ночью	37
Рождение песни	39
«Полями ли шагаю...»	41
«Короче день...»	42
«Весною солнце, мчась вперед...» . 43	

Колосок	45
«Нынче осень на редкость хорошая...» 46	
«У глянцево накатанной дороги...» . 48	
«Льется с неба последняя ласка...» 49	
Прощанье с летом	50
«Рисует мудрая природа...»	53
«Первый снег загулял поземкою...» . 61	
Ночной город	63
«Метет коварная метелица...»	64
«В снежных шубах ели, пихты...» . 65	
«Мчатся двое по полю на лыжах...» 67	
«Мороз подбадривает хлестко...» . 69	
«От мороза сторожка ежится...» . . 70	
Луна	71
Сувениры	73
Последние морозы	75
После метели	77
«В полдень синяя...»	78
«Февраль решил напомнить о зиме...» 79	
«Еще ослепительно ярки...»	80
«Иду, гляжу с улыбкой...»	81
«Ах, какое утро ныне...»	83
Апрель	84
«Все замечают звон капли...»	85
В разлив	86
«Все жарче солнце. Снег сошел недавно...»	87
После дождя	89
Пейзаж	90
«Вбежал сынишка с улицы...»	92
Глаза	93

Шахтер и солнце	94
«Сибирская природа прихотлива...» .	96
Зеленый пожар	97
О садах	99
Подвиг	100
Строитель	101
Грамматика нового	102
Мы славим землю	104
«Есть всему свое предназначенье...»	105

Михаил Александрович Небогатов

РОДНЫЕ ПРОСЕЛКИ

Стихи

Художник А. Гордеев

Общественный редактор В. Измайлов

Художеств. редактор О. Красова

Техн. редактор З. Герасевич

Корректор Е. Тимощук

Сдано в набор 20/V-1963 г.

Подписано к печати 18/IX-1963 г.

Формат 84×108/64.	Печ. л. 2,9.	Уч.-изд. л. 2,35
Авторских л. 2,15	ОП01351	Тираж 3000 экз.
Заказ 4541.	Цена 12 коп.	

Кемеровское книжное издательство,

Кемерово, Кирова, 26.

Типография «Кузбасс», Кемерово. Кузнецкая, 9.